

Рыба-землеройка

Всё случившееся вовсе не было беспричинным. Всякий, кто хоть немного знал Сольдорна, давно приметил за ним одну особенность: этот широкоплечий мужчина с окладистой льняной бородой всегда был рад услужить другим, но стоило делам закончиться, как он замыкался в себе. В часы затишья его можно было найти в самом темном углу, где он сидел, погруженный в угрюмое молчание. Если нужно было подсобить в работе — он никогда не отказывал, но если звали на гулянку — восемь раз из десяти находил повод уклониться.

— Эй, Сольдорн, иди к нам, перекинемся в картишки!

— Господин запретил азартные игры, — глухо отзывался он.

— Да брось, он запретил играть по-крупному! Мы же не на деньги. Давай просто так: кто проигрывает, тот завтра за другого лишнюю вязанку хвороста притащит.

— Что ж... ладно, иду.

Только тогда он придвигал табурет и садился в круг. Карты они мастерили тайком из древесной коры. У них были свои правила: и на троих, и на пятерых. Сольдорн лениво бросал карты, вполуха слушая бесконечную болтовню: жалобы на погоду, на скудный урожай, на мелкие дразги. И вот, в один из таких вечеров, карта случайно выскользнула из его пальцев прямо в пылающую жаровню.

— Ах ты, смотри, что натворил! Теперь вся игра насмарку.

— Да новую сделаем, делов-то.

— Кто теперь разберет, что там была за карта? А у меня такая масть шла... Небось специально подстроил!

Сольдорн вдруг протянул руку, пытаясь выхватить обуглившийся кусок коры из огня.

— Стой, обожжешься!

— Провалиться мне, парень, оно того не стоит!

На обгоревшем краешке еще угадывались кривые цифры и узоры. Он протянул карту Кайе. Тот принял её, озадаченно повертел в руках и, взглянув на Сольдорна, спросил:

— Послушай, почему ты вечно такой хмурый?

— Работы нет.

— Как это нет? Да работы тут навалом, каждый божий день! Ты же сам всем и каждому помогаешь.

— Это правда. Но всё это... не по мне. Не то, чем я хотел бы заниматься.

— Ого, какие мы разборчивые! Ну, выкладывай тогда, что тебе по душе? Я, между прочим, с управляющей в хороших отношениях, могу словечко замолвить, — Кайя явно преувеличивал. Управляющая Хельзе была готова выслушать любого, кто не лез на рожон, так что в «хороших отношениях» с ней состояли почти все.

Сольдорн, который до этого редко заговаривал с Хельзе, помедлил и произвел:

— Сам точно не знаю. Только в той жизни, наверху, я был рыбаком.

— Значит, рыбалка — твоя страсть, — подытожил Кайя. — Но рыба здесь... то она есть, то её нет. Давай-ка я тебя познакомлю с одним парнем, он отлично плетет веревки, да и к моей сестренке в последнее время заходит. Смастеришь себе сеть? Умеешь хоть?

— Обижаешь. Я с закрытыми глазами свяжу... Погоди, у тебя есть сестра? Приемная?

— Родная. У меня еще брат и сестра были, только мы давно разъехались кто куда, а то бы, глядишь, и здесь все вместе встретились. Нас всех помещик до смерти забил. Я думал, хоть она жива останется, а открыл глаза — и мы тут, считай, в очередь в мир иной ушли... — Кайя махнул рукой. — Ладно, не будем о грустном. Только в следующий раз в костер не лезь, руки-то поди горят?

С того дня Сольдорн принялся за плетение сети. Сначала он раздобыл кость, которую долго и терпеливо обтачивал, пока она не превратилась в удобный челнок. Когда Повелитель ввел систему деревянных купонов — а это, надо сказать, стало огромным подспорьем, — он потратил все свои сбережения на сетное полотно и начал ряд за рядом вывязывать конопляную нить. Хорошая сеть должна быть в меру тугой, с ровными ячейками. Но дел в поместье всегда хватало! Сольдорн твердо решил тратить на свое увлечение каждую свободную минуту. Если получится, он хотел бы смастерить еще и удочку...

— И зачем ты это вяжешь? — Лилия, проходившая мимо с корзиной хлеба, из любопытства остановилась. — Сеть? Собрался кого-то ловить? Пора бы и пообедать!

— Думаю, когда-нибудь пригодится. Я слышал, как господин однажды обмолвился, что ему нужна какая-то особенная рыба. Раз ему нужно — я её достану. Какую бы ни захотел.

— Вот оно как, — Лилия задумалась. Раз Сольдорн решил услужить господину, мешать нельзя! И она тихонько положила лишний кусок хлеба рядом с ним, чтобы тот не голодал за работой. Ведь Сольдорн когда-то и ей помог.

Вскоре подтянулись и дети из ботанического сада — их было уже человек семь-восемь. Увидев, над чем он трудится, они гурьбой окружили рыбака:

— Ты что делаешь? Рыбацкую сеть плетешь?

— Да... Хочу попробовать порыбачить...

— Но для сети нужны грузила! — воскликнула Марисса. — Почему у тебя их нет?

— Еще не успел найти, дел было слишком много.

— Это мы мигом! Эй, ребята, ищем камни!

Дети с шумом разбежались и, превратив всё в игру, натащили ему целую кучу камней — самых разных форм и размеров.

Сначала это было только его делом, его маленькой мечтой. Но как же получилось, что в ячейки этой сети вплелось столько чужой доброты, столько надежд? Сольдорн понимал, что при жизни был человеком никчемным, да и после смерти не имел великих целей. Чем он заслужил такое внимание? Он не знал ответа, а потому лишь старался вложить в работу всё мастерство, накопленное за долгие годы. Не всем дано знать, ради чего стоит жить...

Однажды мягким туманным утром — здесь, внизу, они давно перестали говорить «рассвет», используя слово «утро» — Сольдорн наконец собрал свое снаряжение и направился к полноводной реке.

Трудно было сказать, что вело его: чувство долга, вера в себя или груз чужих ожиданий. Холодная вода коснулась лодыжек, затем поднялась до икр. Течение понемногу вымывало песок из-под ног. Когда над головой грянул первый разряд грома, из воды внезапно выпрыгнула жирная рыба и тут же исчезла в пучине. Есть! Здесь есть рыба! Он широким жестом забросил сеть и спустя мгновение вытянул первую добычу. Сольдорн был счастлив. Эту рыбку он отдаст Кайе, но нужно еще. Нужно для Лилии, которая делилась с ним хлебом, для тех шумных ребятешек... А самую крупную он обязательно поднесет господину... Пусть Повелителя нельзя сравнивать с простыми людьми, но всякий раз, глядя на Фарфадэ, Сольдорн невольно думал: «Какой же он всё-таки молодой...»

Дальше дело пошло не так гладко. Рыбы в бадье прибавилось, но ливень усиливался, и холод пробирал до самых костей. Сеть становилась всё тяжелее, Сольдорн пошатнулся, едва удерживая равновесие на скользком дне. Рыба в глубине отчаянно рвалась на волю. Он смутно

припомнил чьи-то слова о том, что речные водоросли способны очищать черный дождь...

Но если уйти под воду целиком, тепло мгновенно покинет тело. Он вцепился в сеть мертвой хваткой — и теперь казалось, что он держит не просто сплетенную из нитей снасть, а саму жизнь: непостоянную, порой мирную и радостную, а порой — яростную и непредсказуемую. Чтобы просто удерживать эту «сеть», он отдавал последние силы.

Собственноручно сплетенная сеть в итоге подвела его. С громким плеском рыба прорвала ячейки! Лишившись опоры, Сольдорн рухнул, сбитый с ног набежавшей волной.

— Сольдорн! Сольдорн! Ты где?! — слышались крики.

— Я здесь... кхм-кхм... здесь я!

Сквозь пелену дождя пробилась огни факелов — крохотные островки тепла в этом холодном мире. Десятки рук потянулись в воду, вылавливая рыбака из потока, пробирающего до самой души. В центре, окруженный ореолом слабого света, стоял юный Повелитель в дорожном плаще. Он спокойно отдавал приказы, не забыв велеть, чтобы улов и все снасти рыбака были доставлены в замок.

В крепость они вернулись, когда уже совсем стемнело. Повелитель приказал всем немедленно переодеться в сухое и хорошенько согреться у огня, после чего сам принялся за лечение тех, кто едва не расстался с жизнью. Урожай сегодня был странным: Фарфадэ связывал магическими нитями скорпионов, пауков и жуков, одного за другим запикивая их в принесенную коробку.

— Эх, — вздохнул он. — Ну и денек.

К моменту, когда Черная Луна встретилась с Белой, над землей поплыли клочья призрачного тумана, похожего на загадочную маску, застывшую в таинственной улыбке...

Тьма окончательно вступила в свои права.

Фарфадэ так и не сменил одежду. Он стоял у камина, ожидая, пока влага испарится сама собой. Причиной тому была находка: в одном из садков Сольдорна обнаружилась тварь, удивительно похожая на описанную в книгах рыбу-землеройку.

Гвидо в возбуждении кружил вокруг кадки. Не меньше него был взволнован и гусь-монстр. Глаза их горели азартом, каждый втайне придумывал, как лучше распорядиться находкой. Выслушав их доводы, Фарфадэ коснулся еще влажных кончиков волос и произнес:

— Он нашел одну рыбину. Если вы её разделите... — Он на мгновение задумался. — На двоих маловато будет, не так ли?

— Да уж, — пробормотал Гвидо. — На полноценное блюдо не хватит, лучше пустить на опыты...

— Категорически недостаточно, господин! Впрочем, я мог бы сварить из неё концентрированный бульон для соуса...

— Вот как, — Фарфадэ незаметно сжал ледяной рукав, выдавливая остатки воды. Капли с негромким шипением упали на угли. — Тогда пока отложим это.

— ...Что?

Пока алхимик и гусь стояли, раскрыв рты от изумления, Повелитель улыбнулся и небрежно бросил:

— Пусть достанет еще несколько штук. Что скажете?

— О... это было бы просто замечательно! — Гвидо восхищенно хлопнул в ладоши. — А я-то думал, вы собираетесь наказать этого верзилу. Раз у вас всё под контролем, мне и добавить нечего.

— Ты решил за него заступиться? — с ироничной полуулыбкой спросил Фарфадэ.

— По совести говоря, его самовольное отлучение требует кары, но...

— Раз уж он вернулся с добычей, зачтем это как искупление. Вирадуан?

— Да, мой господин?

— Скажи Сольдорну, пусть соберет людей и организует лов рыбы-землеройки... Считай это его личным наказанием. Он должен поймать как минимум... хм, пусть будет пятнадцать штук. Только после этого он сможет получить у Хельзе новые деревянные купоны.

Находясь в тягостном ожидании своей участи, Сольдорн и не подозревал о таком «сюрпризе». Фарфадэ же почувствовал истинное облегчение. Если получится наладить регулярный промысел... а еще лучше — разведение, то из рыбы-землеройки можно будет вытапливать жир. Если пропитать им плащи, люди смогут выходить наружу даже в самый сильный ливень. Сезон зеленого тумана только начался, а дожди уже лили не переставая, что внушало серьезные опасения. Если небо затянет на пару недель — беды не миновать.

Трудно было сказать, что планировал приготовить из этой рыбы гусь-монстр, но выглядела она... скажем так, совсем не по-рыбы. Оправдывая свое название, существо поразительно напоминало обычную землеройку. Если раздвинуть густую щетину на загривке, невозможно было найти даже намека на жабры, а задние лапы подозрительно напоминали хвост. Загадка

же крылась в том, что в воде это создание вело себя как самая обычная рыба. Быть может, всё дело в каком-то оптическом искажении?

Если Вирадуан, как человек дисциплинированный, придерживался книжного названия, то в устах Адама эта рыба немедленно получила иное имя...

— Да это же водяная крыса! — воскликнул Адам. — Где это видано, чтобы рыба мехом поросла!

— В океанах полно млекопитающих, например, каланы, — заметил Фарфадэ. — А еще...

— Да не видел я никакого моря!

— ...

— Послушайте, — осторожно вмешалась Хельзе. — Я слышала, что у некоторых морских тварей на суше вырастает шкура, а в воде исчезает... К нам в деревню когда-то забредал бродячий торговец, он продавал этих «дьявольских рыб». Похоже, это всё объясняет...

На самом деле никакими дьявольскими рыбами они не были — скорее всего, просто странные создания, поднятые с глубокого дна. Фарфадэ на миг вспомнил документальные фильмы о жизни океана, которые видел когда-то. Он открыл было рот, чтобы пояснить, но в итоге произнес свою привычную фразу:

— Вирадуан, вышвырни его отсюда.

Когда рыцарь, подхватив предводителя разбойников за шиворот, выставил его за дверь (а находились они на втором этаже), Фарфадэ почувствовал, что вокруг наконец воцарилась долгожданная тишина.

<http://bllate.org/book/16116/1586909>